УДК 338.432
Оригинальная статья
EDN ZRXKTO

РОСТ ЦЕН НА ПРОДОВОЛЬСТВИЕ: КАК ИЗМЕРЯТЬ И НИВЕЛИРОВАТЬ

Н.И. Шагайда, А.А. Еланская, Д.С. Терновский

Центр агропродовольственной политики РАНХиГС,
адрес: Россия, Москва, просп. Вернадского, 84, стр. 1

Поступила в редакцию 11.04.2026

Поступила после рецензирования 29.07.2026

Принята к публикации 10.08.2026

Аннотация. *Повышение волатильности цен на продовольствие в последнее десятилетие превратило проблему экономической доступности питания в один из ключевых системных вызовов глобальной и национальной продовольственной безопасности. В условиях высокой инфляции и сжатия реальных доходов населения разработка эффективных механизмов мониторинга и оперативного реагирования приобретает критическое значение.*

Цель *статьи - представить комплексный подход к мониторингу цен, позволяющий не только фиксировать динамику стоимости продуктов, но и оценивать её реальное воздействие на уровень жизни домохозяйств, а также обобщить международный опыт противодействия негативным последствиям продовольственной инфляции.*

Методология. *Исследование базируется на методиках Центра агропродовольственной политики РАНХиГС, включающих: оценку вклада подорожавших товаров в структуру потребительских расходов; измерение ценовой волатильности по шкалированной методике ФАО; расчёт доли населения, находящегося в зоне продовольственной небезопасности. Систематизация государственных мер выполнена на основе сравнительного анализа практик стран с различным уровнем экономического развития.*

Результаты. *Показано, что традиционный мониторинг социально значимых продуктов и фиксация номинального роста цен обладают ограниченной информативностью и могут формировать искажённое представление о реальной ситуации с доступом к продовольствию. Обоснована необходимость перехода к аналитическим инструментам, учитывающим реальную динамику цен, региональную дифференциацию и фактическую доступность рационального питания. Обзор международных практик подтверждает неоднозначность последствий большинства применяемых мер, что сохраняет высокую значимость поиска эффективных решений.*

Ключевые слова: *экономическая доступность продовольствия, рост и волатильность цен на продовольствие, система мониторинга цен, социально значимые продукты, антикризисные меры господдержки, продовольственная помощь*

Финансирование*: Статья подготовлена в рамках Государственного задания РАНХиГС.*

Для цит.: *Шагайда Н.И., Еланская А.А., Терновский Д.С.* Рост цен на продовольствие: как измерять и нивелировать // Среднерусский вестник общественных наук – 2026. – Том 21. – №2. – С.68-85. EDN ZRXKTO

© *Шагайда Н.И., Еланская А.А., Терновский Д.С.*, 2026

Original article EDN ZRXKTO

FOOD PRICE GROWTH: HOW TO MEASURE AND MITIGATE

N.I. Shagaida, A.A. Elanskaya, D.S. Ternovsky

Center for Agri-Food Policy, RANEPA
address: 84, building 1, Vernadskogo Prospect, Moscow, Russia

Received
11.04.2026

Revised
29.07.2026

Accepted
10.08.2026

Abstract. *The increased volatility of food prices over the past decade has turned the issue of economic affordability of food into one of the key systemic challenges to global and national food security. In the context of high inflation and a decline in real incomes, the development of effective monitoring and rapid response mechanisms is becoming critically important. The purpose of this article is to present a comprehensive approach to price monitoring that allows not only to track the dynamics of food prices but also to assess their real impact on the standard of living of households, as well as to summarize international experience in countering the negative consequences of food inflation.*

Research Methodology. *The study is based on the approaches of the Center for Agri-Food Policy of RANEPA including: assessment of the contribution of increased prices of goods to the structure of consumer spending; measurement of price volatility according to the scaled methodology of the Food and Agriculture Organization; calculation of the proportion of the population in the food insecurity zone. The systematization of government measures is based on a comparative analysis of practices in countries with different levels of economic development.*

Results. *The authors note that traditional monitoring of socially significant products and recording of nominal price increases have limited informativeness and can create a distorted view of the actual situation regarding access to food. The authors substantiate the need to switch to analytical tools that take into account the real price dynamics, regional differentiation, and the actual availability of a balanced nutrition. A review of international practices confirms the ambiguous consequences of most of the measures applied, which underscores the high importance of finding effective solutions.*

Keywords: *food accessibility, food price growth and volatility, price monitoring system, socially important products, anti-crisis government support measures, food aid*

Funding. *This article was prepared as part of a State Assignment of RANEPA.*

For citations: *Shagaida N.I., Elanskaya A.A, Ternovsky D.S. (2026) Food Price Growth: How to Measure and Mitigate. Central Russian Journal of Social Sciences. Vol. 21. no.2. P.68-85. EDN: ZRXKTO*

© Shagaida N.I., Elanskaya A.A., Ternovsky D.S., 2026

ВВЕДЕНИЕ

Текущее столетие стало периодом серьезных потрясений для глобальной продовольственной системы. Данные ФАО по реальному индексу продовольственных цен (2014 – 2016 = 100) показывают, что с 1961 по 2000 г. индекс снизился со 104,3 до 67,5, отражая вековой тренд удешевления продовольствия. Однако с 2000 г. снижение сменилось ростом, и к 2020 г. индекс достиг 100,2 – уровня, близкого к значениям 1960-х гг.[1] Следовательно, говорить о продолжении снижения как долгосрочного тренда после 2000 г. вряд ли корректно. Первое десятилетие XXI века мир еще двигался по пути оптимизации и удешевления цепочек поставок, но с 2020 г. ситуация перешла в другую фазу: пандемия, международные острые конфликты (Saccone, Vallino, 2025).

В настоящее время главная проблема продовольственной безопасности сместилась из плоскости физического наличия продовольствия в плоскость его экономической доступности. По данным ежемесячного сводного баланса ФАО, валовое производство зерновых культур полностью покрывает глобальное потребление на продовольственные, кормовые и технические нужды[2]. Таким образом, в мире производится достаточно продукции, чтобы удовлетворить биологические потребности населения, однако значительная его часть не может себе позволить достаточное и сбалансированное питание.

Согласно флагманскому докладу ООН «Состояние продовольственной безопасности и питания в мире» с 2020 г. глобальная инфляция цен на продукты питания значительно опережает общую потребительскую инфляцию[3]. Кроме того, рост цен на базовые продукты в 2024–2025 гг. опережал рост реальных доходов населения во многих странах мира. По данным МОТ и ФАО, в 2024 г. реальная заработная плата в мире росла в среднем на 1,5–2 %[4]. В то же время показатель продовольственной инфляции, рассчитываемый на основе стоимости корзины базовых товаров первой необходимости, составлял от 8 % до 15 %. Среднемировая стоимость суточного здорового рациона человека выросла до 4,46 долл. США по ППС, в результате чего в мире около трети населения оказалась отрезана от полноценного питания по экономическим причинам[5]. В России в 2020 г. рост цен на продовольствие превышал рост доходов, сложным был период до 2023 г. (рис. 1). В это время мониторинг цен и разработка мер поддержки населения имели высокий приоритет.

Повышение температуры, изменение режима осадков и учащение экстремальных погодных явлений (засуха, наводнение и волна жары) приводят к снижению урожайности основных культур. Причем текущая глобальная урожайность пшеницы, кукурузы и ячменя уже на 4–13 % ниже, чем могла бы быть в условиях стабильного климата, из-за роста температур и атмосферной засухи (Ahmed et al., 2025; Lobell, Tommaso, 2025). Негативное влияние климата,

---

[1] Food and Agriculture Organization (FAO), 2026. *FAO Food Price Index.* World Food Situation. – URL: https://www.fao.org/worldfoodsituation/foodpricesindex/en (дата обращения: 27.05.2026).

[2] Food and Agriculture Organization (FAO), 2026. *FAO Cereal Supply and Demand Brief.* World Food Situation. Available at: https://www.fao.org/worldfoodsituation/csdb/en (дата обращения: 27.05. 2026).

[3] FAO, IFAD, UNICEF, WFP and WHO, 2025. *The State of Food Security and Nutrition in the World 2025: Financing the transformation of agrifood systems*. Rome: FAO. 2025. – URL: https://openknowledge.fao.org/items/4b1f7d26-267d-4a81-aed4-4f9de4d93f85 (дата обращения: 27.07. 2026).

[4] International Labour Office (ILO), 2024. Global Wage Report 2024–25: Is wage inequality decreasing globally? Geneva: International Labour Office. 140 p. – URL: chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://www.ilo.org/sites/default/files/2024-11/GWR-2024_Layout_E_RGB_Web.pdf (дата обращения: 27.05. 2026).

[5] World Bank, 2026. *Food Prices for Nutrition DataHub: global statistics on the Cost and Affordability of Healthy Diets*. International Comparison Program (ICP) Briefs. – URL: https://www.worldbank.org/en/programs/icp/brief/foodpricesfornutrition (дата обращения: 27.05.2026).

которое уже было в значительной мере нивелировано достижениями научно-технического прогресса в сельском хозяйстве, становится более значимым фактором ценообразования, чем в прошлом.

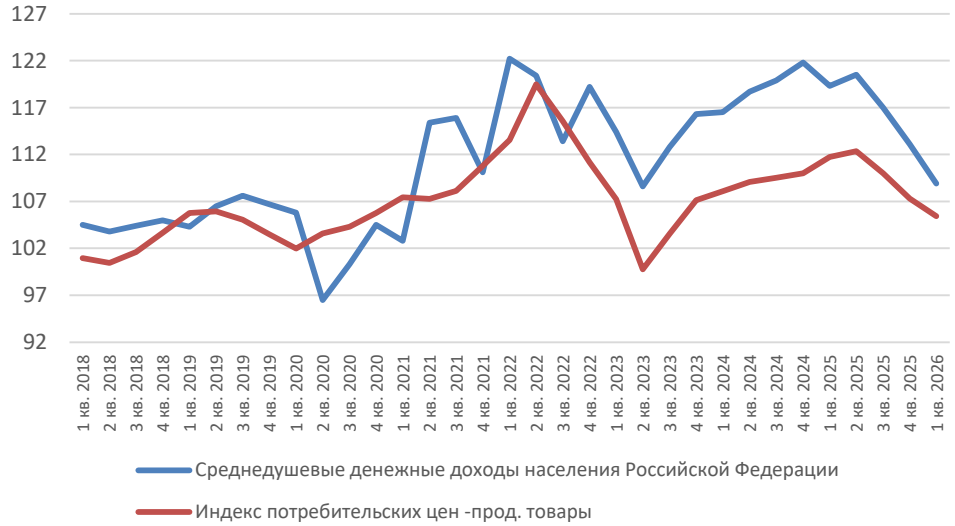

Рисунок 1 – Индексы цен и среднедушевых доходов (расчет по номинальным ценам и доходам)

Figure 1 – Price and per capita income indices (calculated based on nominal prices and incomes)

Источник: Росстат, расчеты авторов.

Таким образом, в современных условиях продовольственная инфляция превратилась из временного побочного эффекта пандемии или других драматических катаклизмов в системный вызов. В этой связи создание адекватной системы мониторинга цен, экономической доступности продовольствия для российских домохозяйств, а также отбор наиболее эффективных подходов к сохранению/улучшению экономической доступности продовольствия является актуальной научной задачей и в Российской Федерации.

Система мониторинга цен

В России налажена система мониторинга цен. Росстат утвердил несколько наборов продуктов, в рамках которых проводит наблюдение (от 30 до 132 продуктов питания)[1]. Росстат еженедельно и ежемесячно публикует данные об индексе номинальных цен на продовольствие в разрезе конкретных регионов и товарных категорий[2]. С учетом веса наблюдаемых продовольственных товаров в потреблении рассчитывается общий индекс цен. Каждый выпуск индекса за неделю вызывает активный общественный резонанс[3]. Отдельное внимание уделено так называемым социально значимым продуктам питания (24 продукта), при подорожании которых на 10 % за 60 дней могут быть введены ограничения –

[1] Приказ Росстата от 18.12.2025 № 727 (ред. от 27.03.2026) «Об утверждении наборов потребительских товаров и услуг и перечня базовых городов Российской Федерации для наблюдения за ценами и тарифами».

[2] Цены, инфляция // Федеральная служба государственной статистики (Росстат). – URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/price (дата обращения: 27.05.2026).

[3] Почти 300 % – цены на картофель в России улетели в космос // ЛБР-АгроИнфо. – URL: https://www.lbr.ru/blog/pocti-300-ceny-na-kartofel-v-rossii-uleteli-v-kosmos (дата обращения: 27.05.2026).

установлена предельно допустимая розничная цена на срок до 90 дней[1].

Вместе с тем экстремальный рост цен на один продукт ничего не говорит о том, насколько он обременителен для кошелька гражданина. При росте цены на картофель в прошлом году почти вдвое доля расходов на него в потребительских расходах населения составила только 0,4 %, не говоря об овощах так называемого борщового набора – свёкле, луке, капусте, которые занимают в расходах российских домохозяйств от сотых до одной десятой процента (Шагайда, Терновский, 2025). При этом рост цен на эти продукты постоянно в центре общественных дискуссий[2].

Не отрицая полезности наблюдения за ценой продуктов, отнесенных к социально значимым, следует заметить, что:

- цены на социально значимые продукты питания занимают менее 25 % от расходов на продовольствие. Это означает, что рост цен на них не определяет роста цен на продовольствие в целом (рис. 2);

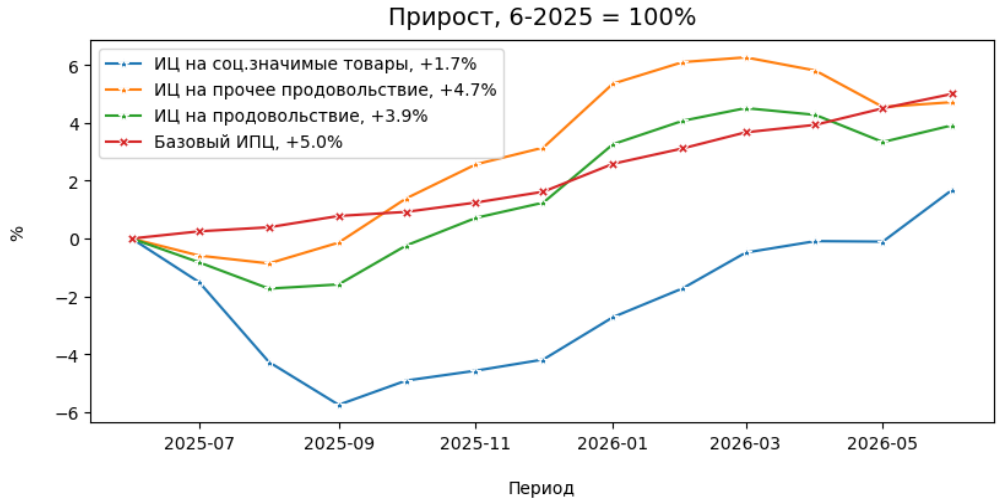

Рисунок 2 – Прирост цен на продовольствие к июню 2025 г.

Figure 2 – The increase in food prices by June 2025.

Источник: Росстат, расчеты авторов.

- в драматические месяцы роста цен возможность установления предельно допустимой цены может возникать в отношении многих продуктов питания. Администрировать такой масштаб работы почти невозможно. Так, на 28-й неделе 2023 г. таких продуктов было (на уровне страны в целом) шесть, а в 2021–2022 гг. число продуктов доходило и до полутора десятков;

- ограничение цен на один вид товара приводит, как показала практика, к росту цен других товаров той же группы. Так было, когда государство единственный раз в конце 2020 г. ввело предельно допустимые цены на масло подсолнечное рафинированное дезодорированное и сахар-песок. Как показал анализ (Узун, 2023), предельная цена не может быть выдержана в силу объективных причин, а также естественного поведения бизнеса, старающегося переложить потери с одной позиции на другие. Так, при ограничении цен на

[1] Федеральный закон от 28.12.2009 № 381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации», Постановление Правительства РФ от 15.07.2010 № 530.

[2] Капустина Л. Росстат: Овощи борщевого набора заметно дорожали в июне // Российская газета, 10.07.2026. – URL: https://rg.ru/2026/07/10/rosstat-ovoshchi-borshchevogo-nabora-zametno-dorozhali-v-iiune.html (дата обращения: 10.07.2026).

масло рафинированное дезодорированное увеличилась цена масла нерафинированного, которое до этого случая всегда было дешевле рафинированного. С этого момента оно перестало быть относительно дешевым;

- в составе социально значимых есть продукты, которые вряд ли являются базовыми для уязвимых семей. Например, говядина (кроме бескостной). Однако говядина на кости часто бывает премиальным продуктом – стейки на кости, оссобуко, как пример. Включать такой продукт в социально значимые – иметь возможность ограничивать цены на премиальный продукт для богатых.

Этот вид мониторинга – следствие наличия нормы в федеральном законе – Федеральный закон от 28.12.2009 № 381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» (с. 8): «В целях стабилизации розничных цен на отдельные виды социально значимых продовольственных товаров первой необходимости на территории субъекта Российской Федерации или территориях субъектов Российской Федерации Правительство Российской Федерации вправе устанавливать на данные виды товаров предельно допустимые розничные цены на срок не более девяноста календарных дней».

Следует отметить, что второго случая ограничения цен, кроме уже обсужденного масла растительного и сахара-песка в 2020–2021 гг., в России не было. И это представляется, в силу изложенных доводов, разумным решением. В предвыборный период 2026 г. звучат приятные для населения, но лишенные экономического смысла, логики и реальной значимости предложения по ограничению цен на отдельные группы продуктов. Так, предлагается субсидировать предприятия торговли, с тем чтобы они по стабильным ценам продавали продукты определенного набора[1]. Понятно, что эти предложения носят популистский характер и не будут реализованы. Они не ориентированы именно на уязвимые семьи (оставляем без рассмотрения здесь возможности бюджета РФ или субъектов РФ). Кроме того, государство не сможет администрировать субсидии для тысяч разноформатных точек организованной розничной торговли. Наконец, инициатива игнорирует региональную специфику: в ряде субъектов РФ около половины продуктов питания продается на рынках, где выплата таких компенсаций физически невозможна. Исходя из изложенного, возможность для субъектов РФ устанавливать предельные розничные цены носит скорее психологический характер, чем практический. Поэтому и мониторинг цен на эти товары в таком виде, как он сейчас существует, в период роста цен является, скорее, раздражающим фактором. Однако, для того чтобы разъяснять населению ситуацию с ценами, успокоить, требуется дополнить стандартную фиксацию изменения цены дополнительными оценками.

Кроме индекса потребительских цен, базового индекса потребительских цен, индексов цен на отдельные продукты, Росстат представляет информацию о стоимости минимального набора питания. Этот набор включает в себя 33 наименования. В рамках мониторинга рассчитывается стоимость минимального набора по стране, регионам, а также индекс роста его стоимости. При анализе этого показателя нужно иметь в виду, что набор продуктов в его составе существенно отличается от рационального набора продуктов, поэтому темпы роста его стоимости довольно приблизительно свидетельствуют об экономической доступности продовольствия в соответствии с Доктриной

[1] Филиппова О. В Госдуме предложили заморозить цены на продукты по всей России // Газета.ру, 22.07.2026. – URL: https://www.gazeta.ru/business/news/2026/07/22/28947493.shtml (дата обращения: 27.07.2026).

продовольственной безопасности РФ. В этом документе под экономической доступностью продовольствия понимается возможность приобретения пищевой продукции должного качества по сложившимся ценам, в объемах и ассортименте, которые соответствуют рекомендуемым рациональным нормам потребления[1]. Минимальная корзина по продовольствию не соответствует рациональной норме потребления.

Росстат также ежегодно проводит бюджетные обследования домохозяйств, на основе которых публикует информацию о расходах на питание, доле продовольствия в общих расходах, потреблении и многом другом. Однако многочисленность разнонаправленных индикаторов, региональные особенности в выстраивании семейных предпочтений в расходах затрудняют вывод о том, лучше или хуже стала экономическая доступность продовольствия. Очевидно одно, что использовать показатель «доля расходов на питание в расходах на потребление» для характеристики экономической доступности продовольствия нужно с оговоркой, что не всегда его рост свидетельствует об ухудшении питания. Это было хорошо видно в пандемию, когда доля расходов на питание росла (что традиционно плохо характеризует доступ к продовольствию), а питание становилось лучше, что хорошо демонстрирует доступ к питанию (Шагайда и др., 2024).

В Центре агропродовольственной политики ИПЭИ РАНХиГС с 2015 года ведется работа по созданию системы мониторинга продовольственной безопасности, где основное место занимает блок экономической доступности продовольствия. Еженедельно готовится аналитическая записка о ценах на социально значимые продукты питания (что соответствует норме закона) для выявления роста на 10 % за 60 дней, ежемесячно – о волатильности цен на продовольствие. Ежегодно по бюджетным обследованиям домохозяйств высчитывается доля населения в зоне продовольственной небезопасности. При этом, исходя из Доктрины продовольственной безопасности РФ, под продовольственной небезопасностью понимается неспособность семей обеспечить себе рацион от 90 % от рациональной нормы продуктов питания. Динамика этого показателя по годам дает представление об успехе политики по обеспечению продовольственной безопасности.

Мониторинг цен на социально значимые продукты питания в центре ведется не только для выявления роста/снижения номинальной стоимости продукта. Это делает и Росстат РФ. Дополнительно рассчитывается уровень изменения номинальной цены с учетом сезонности, изменения реальной цены, а также рассчитывается уровень текущей реальной цены относительно цен за прошлые пять лет на дату наблюдения. Это позволяет очистить рост цен от сезонных колебаний, а также выявить товары, которые дорожают ниже уровня инфляции, т. е. реально дешевеют. Для органов власти в субъектах РФ (а компетенции Центра агропродовольственной политики позволяют делать оперативно анализ для субъекта РФ) такие расчеты покажут, что рост цен не дает возможности вмешиваться в ценообразование, если он вызван сезонностью. Оценки с учетом инфляции дадут основания объяснить жителям региона поведение цен отдельных товаров: объективен ли рост или действительно товар дорожает быстрее всех остальных. Выделение подобных товаров позволит выяснять причины и работать против роста цен более предметно. Пример анализа цен на социально значимые продукты питания приведен на рисунке 3.

[1] Доктрина продовольственной безопасности РФ, утверждена Указом Президента РФ от 21.01.2020 г. № 20.

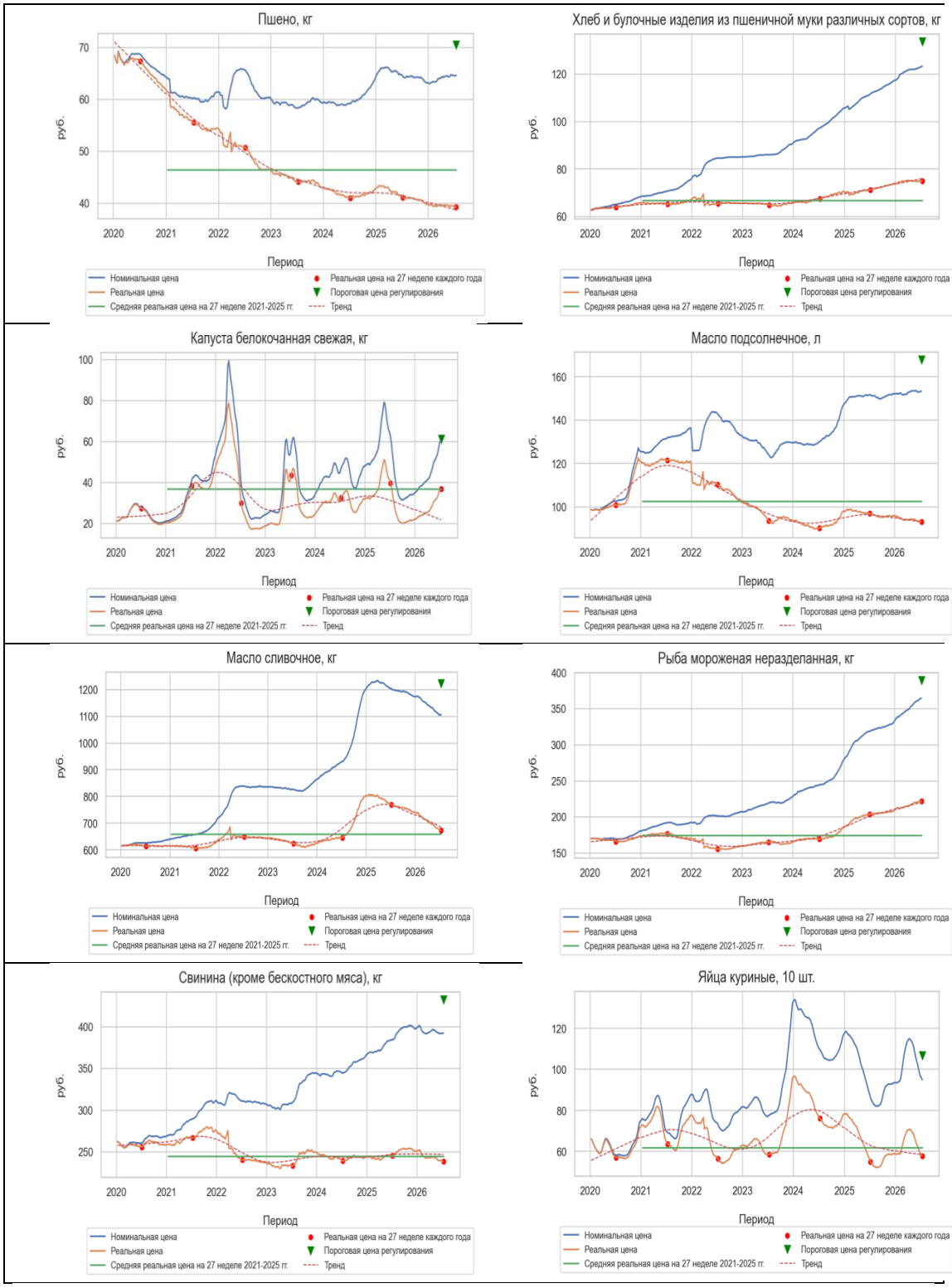

Рисунок 3 – Динамика цен на социально значимые продукты питания (выборка)

Figure 3 – Dynamics of prices for socially significant food products (sample)

Источник: Росстат, расчеты авторов.

На рис. 3 видно, что, несмотря на близость точки, достижение которой позволяет вводить предельные розничные цены по маслу растительному, реальная цена находится ниже уровня пятилетней средней. Это показывает, что рост цены ниже уровня инфляции, продукт дешевеет, рост цен не должен быть предметом внимания администраций. Антилидером по росту цен является рыба. Анализ информации, приведенной на рисунках, позволяет опровергнуть широко распространенный тезис о том, что объемы производства определяют продовольственную безопасность страны, способствуют более низким ценам. По зерну, маслу растительному, рыбе, теперь уже и по мясу в стране наблюдается перепроизводство относительно внутренней потребности, однако только по растительному маслу это конвертировалось в снижение реальной цены, а по свинине и курятине – в стабилизацию реальной цены.

Мониторинг волатильности цен. Он выходит ежемесячно. В его рамках оценивается вклад роста цен в рост потребительских расходов на питание. Здесь также рассчитывается волатильность цен по методике ФАО.

Росстат, как упоминалось выше, оценивает просто рост номинальных цен по наблюдаемому кругу товаров. Центр агропродовольственной политики – еще и вклад роста цен продовольствие в расходы потребителей. Здесь реализуется подход: не важно насколько выросла цена одного товара, важно знать, какие товары больше вынули средств из кошелька потребителя. Ниже этот тезис проиллюстрирован путем сопоставления наиболее подорожавших товаров и пяти товаров, на которые идут самые большие расходы потребителя (табл. 1).

Таблица 1 – Прирост цен и расходов потребителя в июне 2026 г. относительно июня 2025 г.

Table 1 – Increase in prices and consumer spending in June 2026 compared to June 2025

Прирост цен, %		Вклад товарных групп и категорий в прирост цен на продовольствие с учетом их доли в потреблении, %	
Прочие овощи	+13,2	Мясные продукты, в т. ч. говядина, свинина	+1,2 +0,4 +0,1
Водка	+13,2	Алкоголь, в т. ч. водка, пиво, коньяк	+1,2 +0,4 +0,3 +0,1
Говядина	+12,3	Хлеб и хлебобулочные изделия	+0,6
Пиво	+9,6	Овощи, в т. ч. прочие овощи, борщовый набор, картофель	+0,4 +0,8 -0,2 -0,2
Хлеб	+9,2	Рыба и рыбопродукты	+0,4
Яйца	+8,9	Сахар и кондитерские изделия	+0,3
Коньяк	+7,8	Бакалея	+0,2
Рыба живая, охлажденная и мороженая	+7,3	Яйца	+0,1

Источник: Росстат, расчеты авторов.

Такой подход к анализу показывает, что, несмотря на то что больше всего подорожали прочие (не поименованные в других строках) овощи, наиболее значимые потери для кошелька потребителя принесло подорожание мясных продуктов и алкоголя. Такой подход переводит разговор о просто росте цен в

разговор о том, подорожание какого продовольствия больше всего увеличило расходы семьи, на что лучше направить внимание государства. Как следует из представленной таблицы – не на прочие овощи.

Волатильность цен по ФАО. Измерение волатильности как отклонения от средней – полезный инструмент. Он позволяет определить, насколько чаще в одном году отклонения были выше, чем в другой период времени. Однако традиционное измерение волатильности не дает ответа на вопросы: когда отклонения становятся нетипичными и опасными, учитывая, что сельское хозяйство зависит от погодных условий (маленький урожай – высокие цены на продовольствие)? Когда колебания могут привести к негативным последствиям для потребителей? Эту проблему решает измерение волатильности по ФАО[1]. Во-первых, она учитывает колебания за предыдущие годы, усредняя выбросы. Во-вторых, она шкалирована – выделяет нормальную волатильность (normal), волатильность, которая уже вызывает опасение (price_watching), опасную волатильность (price_alert). Эти крайне полезные характеристики ценовых аномалий привели к тому, что наблюдение за волатильностью по ФАО вошло в систему мониторинга цен центра (рис. 4).

Источник: данные Росстата, расчеты авторов.

Рисунок 4 – Волатильность цен на продовольствие как индикатор ценовых аномалий, РФ

Figure 4 – Food price volatility as an indicator of price anomalies, Russia

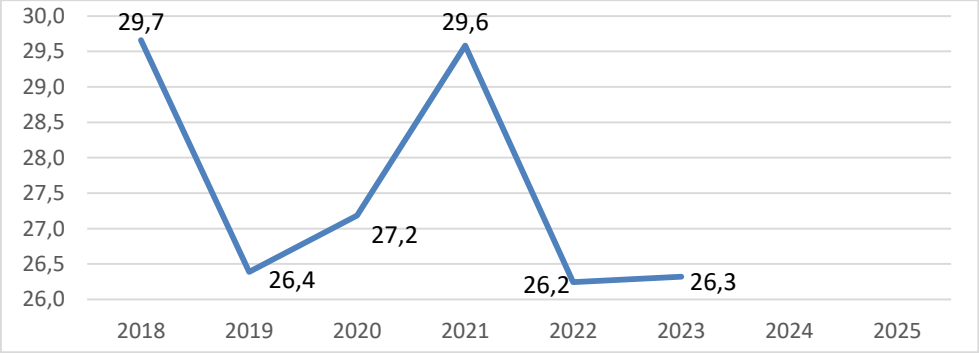
На рисунке видно, что с начала 2026 г. закончился чрезвычайно длительный период ценовых аномалий. Если не считать короткий период нормализации с середины 2022 до осени 2024 г., то видно затяжной ценовой кризис с 2021 по начало 2026 г. Причем большую часть времени это был период опасной волатильности. Применение данного инструмента позволяет администрациям регионов и страны понимать уровень нормальности/ненормальности ситуации, предусматривать поддержку уязвимых групп населения.

Доля населения страны, региона, которая находится в зоне продовольственной небезопасности. Зона продовольственной небезопасности (как это принимается в центре) – состояние, при котором члены домохозяйства не могут себе обеспечить рацион (купить, вырастить, получить иным образом в виде натуральных

[1] Показатель 2.c.1. Показатель ценовых аномалий на рынке продовольствия // ФАО. 2018. – URL: https://openknowledge.fao.org/server/api/core/bitstreams/543d8568-ee7e-412b-8fb7-2fe98c62ac0a/content (дата обращения: 27.04.2026).

поступлений) на уровне 90 % и выше от рациональной нормы. Это вытекает из определения «продовольственная безопасность» Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации, в которой за безопасность принимается экономическая возможность получения доступа к продовольствию на уровне 100 % от рациональной нормы. Следует отметить, что уровень, заданный доктриной, чрезвычайно амбициозный.

Центр агропродовольственной политики разработал методику оценки экономической возможности получения продуктов по рациональной норме с учетом половозрастного состава и числа членов домохозяйства. Расчеты проводятся по исходной базе данных бюджетных обследований домохозяйств Росстата, которые можно развернуть по определенным весам для каждого типа домохозяйств до всех домохозяйств России[1]. По каждому домохозяйству определяется соотношение фактических затрат на продовольствие с учетом натуральных поступлений (включая алкоголь) и стоимость рационального набора продовольствия по ценам субъекта РФ по местонахождению домохозяйства (Шагайда и др., 2024; Шагайда и др., 2025). Уровень достижения рациональной нормы в домохозяйстве позволяет ранжировать домохозяйства и отбирать те, где это отношение меньше 90 %. Они признаются в зоне небезопасности по критериям доктрины. Исчисление этого показателя возможно на национальном уровне и на уровне региона. В связи с ограничением доступа к информации Росстата с 2024 г. расчеты по базе данных бюджетных обследований доли населения в зоне продовольственной небезопасности приведены только до 2023 г. (рис. 5).

Источник: расчет по данным Росстата

Рисунок 5 – Доля населения, не обеспечившего себе потребление на уровне 90 % и более от рациональной нормы, РФ

Figure 5 – Share of the population that has not ensured consumption at a level of 90 % or more of the rational norm, Russian Federation

После открытия данных бюджетных обследований расчет этого показателя будет продолжен. На 2023 г. доля населения, не имеющего возможности купить или получить набор питания от 90 % от рациональной нормы, была самая низкая за рассматриваемый период времени. При этом доля населения, которому не хватает средств на еду – по данным Росстат – менее 1%. То есть, Доктрина устанавливает высокую планку, до которой считается, что в семье еще есть необходимость повысить полноценности питания – таких семей в 2023 г. было 26,3%.

[1] Существуют исследования, доказывающие, что богатые россияне не попадают в обследования Росстата. – Аптекарь П. Ученые раскрыли доходы богатых россиян: электронный ресурс // HSE Daily: научно-образовательный портал НИУ ВШЭ. 21 октября 2024. – URL: https://daily.hse.ru/post/ucenye-raskryli-doxody-bogatyx-rossiyan (дата обращения: 27.07.2026). Однако для целей оценки семей в зоне небезопасности эта группа не важна.

Таким образом, мониторинг экономической доступности продовольствия Центра агропродовольственной политики позволяет выйти за рамки простой констатации роста цены. Он дает инструмент отсечения неважного от важного, позволяет политикам обратить внимание не просто на рост цен, а на эффект для потребителя. Это является базой для следующего шага – выбора мер политики для снижения барьеров доступа к продовольствию, если по приведенным выше показателям ситуация выходит за рамки нормальной.

Меры содействия экономической доступности продовольствия

В условиях растущей глобальной нестабильности, климатических шоков и высокой волатильности рынков обеспечение экономической доступности продовольствия стало приоритетом для правительств по всему миру. Государства вынуждены оперативно реагировать на ценовые пики, задействуя масштабный и разнообразный арсенал инструментов, таких как торгово-тарифное, ценовое регулирование, поддержка производителей и потребителей. Конкретный набор и сочетание этих мер определяются уровнем экономического развития государства, уровнем продовольственной безопасности, степенью зависимости от импорта и т. д. (Timmer, 2010; Rother et al., 2022; Mumah et al., 2025). В период с начала пандемии в России были задействованы многие из мер, которые применяются в мире.

В периоды глобальных кризисов страны часто вводят *экспортные ограничения*. В 2022 г. их ввели крупнейшие экспортеры, заблокировав почти 17 % всех калорий, торгуемых на международном рынке[1] (в 2007–2008 гг. – 15 %, а в пандемию – 7,5 %[2]). ФАО считает протекционизм опасным и неэффективным[3]. Защищая внутренний рынок в краткосрочной перспективе, эти ограничения бьют по доходам собственных фермеров, разрушают международные логистические цепочки и провоцируют панику, резко ухудшая экономическую доступность продовольствия в странах-импортерах. В долгосрочной перспективе изоляция не работает: внутренние цены в странах-протекционистах всё равно растут вслед за мировыми (Потапова, 2023).

Напротив, *смягчение импортных барьеров* в ситуации нестабильности рынков – вполне адекватная мера. В качестве стабилизирующей меры, безусловно, необходима последовательная политика по созданию достаточных государственных запасов продовольствия для гарантирования продовольственной безопасности, особенно в зависимых от импорта странах с низким уровнем жизни населения.

Изменение ставок НДС стало главным фискальным ответом развитых стран на глобальный инфляционный шок последних лет. В пандемию (2020 г.) налог временно снижала Германия. В 2022–2024 гг. НДС на базовые продукты питания обнулили Польша (с 5 %), Испания (с 4 %) и Португалия (с 6 %). Оценка эффективности этой меры умеренно критическая. Как показала мировая практика, цены на полках снизились сразу после реформы. Однако в среднем по миру ретейлеры перекладывают в снижение цены лишь 50–70 % от отмененного налога. Остальную часть розничные сети забирают себе для компенсации возросших

[1] Glauber J., Laborde D., Mamun A. From bad to worse: How Russia-Ukraine war-related export restrictions exacerbate global food insecurity. IFPRI Blog. 2022. – URL: https://www.ifpri.org/blog/bad-worse-how-export-restrictions-exacerbate-global-food-security/ (дата обращения: 27.03. 2026).

[2] Martin W., Mamun A., Minot N., Vos R. 2024. Trade policy and food price volatility: Beggar thy neighbor or beggar thyself? IFPRI Blog, 2024. – URL: https://www.ifpri.org/blog/trade-policy-and-food-price-volatility-beggar-thy-neighbor-or-beggar-thyself/ (дата обращения: 27.03. 2026).

[3] *The State of Agricultural Commodity Markets 2022. The geography of food and agricultural trade: Policy approaches for sustainable development*. Rome, FAO. 128 p. – https://doi.org/10.4060/cc0471en

затрат. Кроме того, снижение цен является кратковременным: в Испании цены начали снова расти через три месяца после снижения НДС (Baquero-Pérez et al., 2025); в Польше – через пять месяцев (Jaworski, Olipra, 2025). При снижении НДС на одну группу товаров бизнес стремится защитить прибыль, из-за чего реальные цены компенсируются удорожанием смежного ассортимента, на который потребитель продолжает тратить деньги (Benzarti et al., 2020). Несмотря на то что снижение НДС нацелено на помощь в первую очередь уязвимым группам, богатые слои населения, покупающие дорогие продукты, получают от обнуления НДС больше условной выгоды в абсолютном выражении, чем бедные. При этом государственный бюджет несет колоссальные и гарантированные потери налоговых поступлений. Возврат к прежним ставкам НДС после окончания кризиса всегда проходит болезненно и провоцирует новый скачок инфляции (Ricci et al., 2026).

Мировая практика *ограничений цены* многократно проанализирована; доказано, что нет хороших результатов[1], кроме случаев, когда ее рост вызван кратковременным перебоем поставок. В этом случае ограничения цены (как прямые, так и косвенные) до возобновления поставки способствуют снижению социального напряжения и не ведут к потерям участников продовольственной цепочки. Однако в среднесрочной перспективе эта мера способствует дефициту контролируемых товаров в официальных каналах торговли и спекуляциям на черном рынке. Торговые соглашения с основными производителями хотя также искажают рынок, но не в той мере как прямое регулирование цен.

Поддержка производителей имеет целью стабилизировать их доходы, которые в период волатильности цен как на ресурсы, так и на сельскохозяйственную продукцию, нестабильности и удорожания в логистике могут значительно снижаться, что, в свою очередь, может угрожать продовольственной безопасности. Набор применяемых мер достаточно широк[2] – от обычных субсидий на ресурсы или мер, облегчающих их получение (гарантии или поручительства по кредитам), субсидий на реализуемую продукцию, государственных закупок на производимую продукцию (пшеницу, рис) по заранее установленным ценам до программ страхования доходов, применяющихся в отдельных развитых странах и как раз нацеленных на нивелирование волатильности цен для сельхозпроизводителей. Последние, хотя и более сложные в администрировании, менее искажают рынок.

Поддержка потребителей для повышения уровня продовольственной безопасности семей может быть привязанной и не привязанной к продовольствию. В США поддержка оказывается целенаправленно на обеспечение семей продовольствием в виде натуральной помощи или оплаты части стоимости продуктов питания (система SNAP[3]), для выплаты продовольственной помощи учитываются доходы и отдельные виды имущества. В Бразилии – в виде денежных переводов (Auxílio Brasil[4]), которые расходуются по усмотрению членов домохозяйств на любые цели, учитывается определенный уровень дохода, разрабатываются меры по повышению доходов семей через развитие их микробизнеса. Однако эти практики не лишены недостатков. Непривязанная

[1] *World Bank. 2020. Global Economic Prospects, January 2020: Slow Growth, Policy Challenges. Washington, DC: World Bank.2020.334 p. DOI: 10.1596/978-1-4648-1468-6* (дата обращения: 27.03. 2026).

[2] OECD (2025), Agricultural Policy Monitoring and Evaluation 2025: Making the Most of the Trade and Environment Nexus in Agriculture, OECD Publishing, Paris, https://doi.org/10.1787/a80ac398-en. (дата обращения: 27.03. 2026).

[3] Supplemental Nutrition Assistance Program (SNAP) // USDA, 2022. – URL: https://www.fns.usda.gov/snap/supplemental-nutrition-assistance-program (дата обращения: 27.03. 2026).

[4] Senado aprova Auxílio Brasil, programa social que substitui o Bolsa Família // Agência Senado, 02/12/2021. – URL: https://www12.senado.leg.br/noticias/materias/2021/12/02/senado-aprova-auxilio-brasil-programa-social-que-substitui-o-bolsa-familia (дата обращения: 27.03. 2026).

поддержка может тратиться не на питание. Аналогичные результаты могут наблюдаться при предоставлении натуральной поддержки, когда она не расширяет рацион питания, а замещает денежные расходы семей, которые при этом идут на другие цели.

В Индии натуральная помощь населению реализуется через государственную систему распределения (PDS) – крупнейшую в мире сеть «Магазины справедливых цен» (FPS), охватывающую 800 млн человек (Shrinivas et al., 2025). Государство закупает у фермеров рис, пшеницу и просо по минимальным гарантированным ценам и бесплатно распределяет по 5 кг зерна на человека в месяц (мера продлена на 2024–2028 гг.). В некоторых штатах к этому списку добавляются сахар, соль, растительное масло и керосин. Несмотря на успешную ликвидацию массового острого голода, система подвергается жесткой критике за системные недостатки. Программа поглощает 60 % бюджета социальной помощи Индии (около 1,8 трлн рупий ежегодно), ограничивая инвестиции в инфраструктуру, медицину и образование. Продукция в магазинах FPS часто имеет низкое качество, а логистическая цепочка от поля до прилавка страдает от высоких потерь сырья. Жесткая ориентация закупок исключительно на зерновые обеспечивает физическую сытость, но не покрывает потребности населения в белках и микронутриентах. Как следствие, показатели детского истощения, задержки роста и анемии среди женщин в Индии остаются высокими. Таким образом, система распределения демонстрирует эффективность в предотвращении острого голода, но оказывается недостаточной для ликвидации хронического недоедания.

По международному опыту выявлено, что используется поддержка физического доступа к продовольствию – льготные проездные билеты на автобус, ваучеры на такси, компенсация расходов на доставку еды (Banks at al., 2021). С учетом условий России эти меры будут полезны для жителей сельских территорий, где много малонаселенных сёл без дорог с твердым покрытием и регулярного автобусного сообщения, в которых наличие магазинов вряд ли экономически целесообразно.

При выборе антикризисного инструмента целесообразно учитывать результаты, полученные ФАО с помощью моделирования того, как различные сценарии долгосрочной аграрной политики способны напрямую повлиять не просто на физическую сытость, а на экономическую доступность полноценного и здорового рациона питания[1]. Этот анализ показывает, что для стран с высоким доходом, включая Россию, наиболее сбалансированным сценарием является целевая переориентация бюджетных субсидий на производство приоритетных продуктов питания[2]. Эта стратегия удешевляет здоровый рацион на 5,1 п. п., способствуя росту потребления фруктов и овощей при снижении потребления вредных жиров и сахаров. Альтернативные сценарии демонстрируют серьезные дисбалансы. Так, перенос субсидий напрямую потребителям без перестройки производства смещает баланс в сторону дешевых, но вредных калорий и ведет к росту потребления нездоровой пищи, а радикальный отказ от поддержки (полная отмена субсидирования) лишает сектор стабильности и ведет к глубокому падению доходов фермеров. Полный отказ от пограничных мер поддержки оказывает абсолютно нейтральный эффект на доступность здорового питания, но стимулирует рост объемов агропроизводства и увеличивает доходы

[1] AO, IFAD, UNICEF, WFP and WHO. 2022. The State of Food Security and Nutrition in the World 2022. Repurposing food and agricultural policies to make healthy diets more affordable. Rome, FAO. 260 p.

[2] ФАО классифицирует продукты питания по их вкладу в здоровый рацион: на высокоприоритетные – если текущий уровень их потребления на душу населения в среднем составляет менее 80 % от рекомендуемого уровня для соблюдения здорового питания; среднеприоритетные – потребление от 80 до 120 % от рекомендуемого уровня; низкоприоритетные – потребление превышает 120 % от рекомендуемого уровня.

производителей. Переориентация пограничных мер и контроля рыночных цен в пользу здорового питания также не меняет его общую доступность, но удорожает стоимость рациона и искажает потребление. При этом рост спроса фиксируется только на молочную продукцию при снижении потребления фруктов и овощей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В современных условиях ключевой задачей государства становится отказ от поверхностной констатации роста номинальных цен в пользу качественного совершенствования системы мониторинга. Необходимо переходить к интегральным метрикам: оценке реального вклада подорожавших продуктов в расходы потребителя, измерению волатильности по шкалированной методике ФАО и регулярному расчету доли населения, находящегося в зоне продовольственной небезопасности.

Накопленный международный опыт доказывает, что при выборе антикризисных инструментов правительствам важно учитывать уже проверенные практикой риски и не повторять прошлых регуляторных ошибок. Государственная поддержка должна трансформироваться из антикризисного сдерживания цен в системное содействие как производителям, так и потребителям. Для стран с высоким уровнем доходов, включая Россию, стратегическим приоритетом является переориентация бюджетных субсидий на стимулирование производства незаменимых компонентов здорового рациона (фруктов и овощей), что напрямую снижает его финальную стоимость без искусственного вмешательства в рыночную среду.

В России государственная поддержка потребителей полностью соответствует мировым трендам и сочетает в себе как денежные социальные выплаты, часть из которых идет на питание, так и натуральные формы помощи, которые работают на повышение экономической доступности продовольствия. Вместе с тем экспертное сообщество активно обсуждает создание дополнительных механизмов распределения продуктов питания для малоимущих (целевые продовольственные карты/создание специальной сети магазинов).

Как показывает мировой опыт, эти все меры дают дополнительные возможности для улучшения рациона питания, но только ограниченно. Часть потраченных государством денег – и значительная – идет на другие цели. При связанной денежной или натуральной помощи деньги семьи высвобождаются и идут на другие цели. При создании сети особенных магазинов увеличиваются потери, сохраняется низкое качество продуктов. Пока бесспорным способом снижения экономических барьеров доступа к питанию, по нашему мнению, выглядит совершенствование системы школьного питания – расширение охвата, качества питания – обеспечение бесплатными полноценными обедами детей не только начальных, но и старших (5–11) классов или путем выплат на карту школьника, привязанную к определенному кругу покупок в школьной столовой. Здесь деньги точно будут расходоваться детьми и на продовольствие.

Анализ накопленного международного опыта показывает, что ни один из традиционных антикризисных инструментов не является однозначно положительным или отрицательным. Каждая мера имеет своих бенефициаров. Отрицательные моменты нужно учитывать и оценивать их эффект.

Список литературы:

1. Потапова А.А. Международные практики противодействия волатильности и росту цен на продовольствие. АПК: экономика, управление. 2023. № 3. С. 97-107. DOI: 10.33305/233-97 EDN: CRUXKU
2. Узун В.Я. Ручное управление ценами на продовольствие: механизмы, результаты, альтернативы. Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2023. № 1. С. 2-9. DOI: 10.31442/0235-2494-2023-0-1-2-9 EDN: UNQYLR
3. Шагайда Н. И., Терновский Д. С. С огорода в поля: непростой путь картофеля. Крестьяноведение. 2025. Т.10. №4. С. 146-164. EDN: PDSUBX
4. Шагайда Н.И., Терновский Д.С., Шишкина Е.А., Еланская А.А. Интегральные показатели продовольственной безопасности: от страны к домохозяйству. Вопросы экономики. 2025. № 8. С. 44-69. DOI: 10.32609/0042-8736-2025-8-44-69 EDN: BDCKTJ
5. Шагайда Н.И., Узун В.Я., Терновский Д.С., Шишкина Е.А. Оценка экономической доступности продовольствия в России в контексте продовольственной безопасности. Вопросы экономики. 2024. № 6. С. 73-95. DOI: 10.32609/0042-8736-2024-6-73-95 EDN: JYJWMN
6. Ahmed, K., Ahmed, M., Goheer, M.A., Kheir, A.M.S. (2025). Climate Change and Its Effects on Agriculture. In: Ahmed, M. (eds) Climate Resilient and Sustainable Agriculture: Volume 1. Advances in Global Change Research, vol 79. Springer, Cham. DOI: 10.1007/978-3-032-00190-0_1
7. Banks A.R., Bell B.A., Ngendahimana D., Embaye M., Freedman D.A., Chisolm D.J. Identification of factors related to food insecurity and the implications for social determinants of health screenings. BMC Public Health. 2021. 21(1):1410. DOI: 10.1186/s12889-021-11465-6.
8. Baquero-Pérez J., Romero D-F., Rodríguez-Crespo E., Da Silva-Bichara J. Quasi-experimental evidence on Spanish VAT cuts during economic shocks. International Review of Economics & Finance, 2025. Vol. 104. pp. 1-23. DOI: 10.1016/j.iref.2025.104757
9. Benzarti Y., Carloni D., Harju J., Kosonen T. *What Goes Up May Not Come Down: Asymmetric VAT Changes and Price Rigidities.* Journal of Political Economy, 2020. 128(12), pp. 4438-4474. DOI: 10.1086/710558.
10. Jaworski K., Olipra J. Cutting VAT rate on food products in a high-inflation environment. Does it work out?,// Food Policy, 2025. Volume 131. Pp. 1-16 DOI: 10.1016/j.foodpol.2025.102816
11. Lobell D. B., Tommaso S. Di. A half-century of climate change in major agricultural regions: Trends, impacts, and surprises. Proceedings of the National Academy of Sciences, 122 (20):e2502789122, 2025. DOI: 10.1073/pnas.2502789122.
12. Mumah E., Hong Y., Chen Y. Exploring the reality of global food insecurity and policy gaps // Humanities and Social Sciences Communications, 2025. vol. 12(1), pp. 1-23 DOI: 10.1057/s41599-025-04211-1.
13. Ricci M., Kiss A., Herck K.V. *Fiscal Costs and Redistributive Effects of Reduced VAT Rates in the EU: A Detailed Product and Household Analysis.* Discussion Paper 244. European Economy Discussion Papers, Brussels. 2026. 34 p. DOI: 10.2765/481950.
14. Rother B., Sosa S., Kim D., Kohler L. P., Pierre G., Kato N., Debbich M., Castrovillari C., Sharifzoda K., Van Heuvelen E., Machado F., Thevenot C., Mitra P., Fayad D. Tackling the Global Food Crisis: Impact, Policy Response, and the Role of the IMF. *IMF Notes* Washington, DC. 2022. 39 p. DOI: 10.5089/9798400221972.068
15. Saccone D., Vallino E., 2025. Global food security in a turbulent world: reviewing the impacts of the pandemic, the war and climate change // Agricultural and Food Economics, Springer. 2025. vol. 13(47), pp. 1-36. DOI**:** 10.1186/s40100-025-00341-3

16. Shrinivas A., Baylis K., Crost B. Food Transfers and Child Nutrition: Evidence from India's Public Distribution System. American Economic Journal: Applied Economics 2025, 17(3). pp. 161–207. DOI: 10.1257/app.20220505

17. Timmer C.P., 2010. Reflections on food crises past. *Food Policy*, 35(1), pp.1-11. DOI: 10.1016/j.foodpol.2009.12.002

References:

1. Potapova, A.A. (2023) International practices for countering food price volatility and growth. APK: *Ekonomika, Upravlenie* [APK: Economics, Management], (3), pp. 97–107. DOI: 10.33305/233-97 EDN: CRUXKU (In Russ.)

2. Uzun, V.Y. (2023) Manual food price management: Mechanisms, results, alternatives. *Ekonomika Sel'skokhozyaystvennykh i Pererabatyvayushchikh Predpriyatiy* [Economy of Agricultural and Processing Enterprises], (1), pp. 2–9. DOI: 10.31442/0235-2494-2023-0-1-2-9 EDN: UNQYLR (In Russ.)

3. Shagaida, N.I. and Ternovsky, D.S. (2025) From kitchen gardens to the fields: The difficult path of potatoes. *Krestyanovedenie* [Russian Peasant Studies], 10(4), pp. 146–164. EDN: PDSUBX (In Russ.)

4. Shagaida, N.I., Ternovsky, D.S., Shishkina, E.A. and Elanskaya, A.A. (2025) Integral indicators of food security: From country to household. *Voprosy Ekonomiki*, (8), pp. 44–69. DOI: 10.32609/0042-8736-2025-8-44-69 EDN: BDCKTJ (In Russ.)

5. Shagaida, N.I., Uzun, V.Y., Ternovsky, D.S. and Shishkina, E.A. (2024) Food affordability assessment in Russia in the context of food security. *Voprosy Ekonomiki*, no.6, pp. 73–95. DOI: 10.32609/0042-8736-2024-6-73-95 EDN: JYJWMN (In Russ.)

6. Ahmed, K., Ahmed, M., Goheer, M.A., Kheir, A.M.S. (2025). Climate Change and Its Effects on Agriculture. In: Ahmed, M. (eds) Climate Resilient and Sustainable Agriculture: Volume 1. Advances in Global Change Research, vol 79. Springer, Cham. DOI: 10.1007/978-3-032-00190-0_1

7. Banks A.R., Bell B.A., Ngendahimana D., Embaye M., Freedman D.A., Chisolm D.J. (2021) Identification of factors related to food insecurity and the implications for social determinants of health screenings. *BMC Public Health*, 21(1):1410. DOI: 10.1186/s12889-021-11465-6.

8. Baquero-Pérez J., Romero D-F., Rodríguez-Crespo E., Da Silva-Bichara J. Quasi-experimental evidence on Spanish VAT cuts during economic shocks. *International Review of Economics & Finance*, 2025. Vol. 104. pp. 1-23. DOI: 10.1016/j.iref.2025.104757

9. Benzarti Y., Carloni D., Harju J., Kosonen T. *What Goes Up May Not Come Down: Asymmetric VAT Changes and Price Rigidities. Journal of Political Economy*, 2020. 128(12), pp. 4438-4474. DOI: 10.1086/710558

10. Jaworski K., Olipra J. Cutting VAT rate on food products in a high-inflation environment. Does it work out? *Food Policy*, 2025. Volume 131. Pp. 1-16 DOI: 10.1016/j.foodpol.2025.102816

11. Lobell D. B., Tommaso S. Di. A half-century of climate change in major agricultural regions: Trends, impacts, and surprises. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 2025. 122 (20):e2502789122 DOI: 10.1073/pnas.2502789122.

12. Mumah E., Hong Y., Chen Y. Exploring the reality of global food insecurity and policy gaps. *Humanities and Social Sciences Communications*, 2025. vol. 12(1), pp. 1-23 DOI: 10.1057/s41599-025-04211-1

13. Ricci M., Kiss A., Herck K.V. *Fiscal Costs and Redistributive Effects of Reduced VAT Rates in the EU: A Detailed Product and Household Analysis.* Discussion Paper 244. *European Economy Discussion Papers*, Brussels. 2026. 34 p. DOI: 10.2765/481950

14. Rother B., Sosa S., Kim D., Kohler L. P., Pierre G., Kato N., Debbich M., Castrovillari C., Sharifzoda K., Van Heuvelen E., Machado F., Thevenot C., Mitra P., Fayad D. Tackling the Global Food Crisis: Impact, Policy Response, and the Role of the IMF. *IMF Notes.* Washington, DC. 2022. 39 p. DOI: 10.5089/9798400221972.068

15. Saccone D., Vallino E., 2025. Global food security in a turbulent world: reviewing the impacts of the pandemic, the war and climate change. *Agricultural and Food Economics, Springer.* 2025. vol. 13(47), pp. 1-36. DOI: 10.1186/s40100-025-00341-3

16. Shrinivas A., Baylis K., Crost B. Food Transfers and Child Nutrition: Evidence from India's Public Distribution System. *American Economic Journal*: *Applied Economics.* 2025, 17(3). pp. 161–207. DOI: 10.1257/app.20220505

17. Timmer C.P., 2010. Reflections on food crises past. *Food Policy*, 35(1), pp.1-11. DOI: 10.1016/j.foodpol.2009.12.002.

Сведения об авторах:

Шагайда Наталья Ивановна, доктор экономических наук, профессор, директор Центра агропродовольственной политики, Россйиская академия народного хозяйства и государственной службы, адрес: Россия, Москва, пр-т Вернадского, д. 84, e-mail: shagaida@ranepa.ru, SPIN-код: 9572-8352, ORCID: 0000-0002-1782-6146.

Еланская Александра Андреевна, кандидат географических наук, научный сотрудник Центра агропродовольственной политики, Россйиская академия народного хозяйства и государственной службы, адрес: Россия, Москва, пр-т Вернадского, д. 84, e-mail: elanskaya-aa@ranepa.ru, SPIN-код: 6895-1597, ORCID: 0000-0001-6071-9787.

Терновский Денис Сергеевич, доктор экономических наук, научный сотрудник Центра агропродовольственной политики, Россйиская академия народного хозяйства и государственной службы, адрес: Россия, Москва, пр-т Вернадского, д. 84, SPIN-код: 4044-0048, ORCID: 0000-0002-0878-962X.

About the authors:

Natalia I. Shagaida, Doctor of Economics, Director of the Center for Agro-Food Policy, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Center for Agri-Food Policy, address: 84, building 1, Vernadskogo Prospect, Moscow, Russia, SPIN-код: 9572-8352, https://orcid.org/0000-0002-1782-6146

Alexandra A. Elanskaya, Candidate of Geographical Sciences, Researcher at the Center for Agro-Food Policy, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA) address: 84, building 1, Vernadskogo Prospect, Moscow, Russia, e-mail: elanskaya-aa@ranepa.ru, SPIN-код: 7971-0810, https://orcid.org/0000-0001-6071-9787

Denis S. Ternovsky, Doctor of Economics, Researcher at the Center for Agro-Food Policy, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA) address: 84, building 1, Vernadskogo Prospect, Moscow, Russia, SPIN-код: 4044-0048, https://orcid.org/0000-0002-0878-962X

© Шагайда Н.И., Еланская А.А., Терновский Д.С., 2026

Submitted for possible open access publication under the terms and conditions of the Creative Commons NonCommercial license https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/